

Фаина Раневская

*Почему все дуры
такие женщины*

АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31 Раневская Ф.Г.
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р15

Раневская Ф.Г.

Р15 Почему все дуры такие женщины / Раневская Ф. Г.
(авт.-сост. С. Кузина) – Москва: АСТ, 2015. – 320 с.
(Театральный роман)

ISBN 978-5-17-089561-8

Обычно про актрис критики пишут так: «Она так владеет даром перевоплощения, что ей одинаково доступны сатирические и драматические роли». Но это умеют делать многие профессиональные актеры. Талант же Раневской выходил далеко за рамки заурядного профессионализма. Ее называли актрисой-клоуном, актрисой для трагедии и даже «гранд-коклет» («la grande coquette» в переводе с французского – соблазнительница, большая кокетка).

«Героини Раневской – злодейки, ханжи, чудачки – эмоциональны до ясной откровенности, – писал известный кинокритик Андрей Зоркий. – Всегда понятно, что они чувствуют, и в переживании не наступает тягостных пауз. Сорок раз они вам скажут: вот горе – так горе, вот спесивость – так спесивость, вот ханжество – так ханжество, вот доброта – так доброта. Такова гамма актерского таланта Раневской, ее единственный, неповторимый мир».

УДК 821.161.1-31

Раневская Ф.Г.

ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

ВСТУПЛЕНИЕ

«ПРИ ВСЕЙ ЛЮБВИ – НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ»

Фаина Раневская была любима и вождями, и публикой, и критикой. Рузвельт отзывался о ней как о самой выдающейся актрисе XX века. А Сталин говорил: «Вот товарищ Жаров – хороший актер: понаклеит усики, бакенбарды или нацепит бороду. Все равно сразу видно, что это Жаров. А вот Раневская ничего не наклеивает – и все равно всегда разная». Этот отзыв Фаине Георгиевне пересказал Сергей Эйзенштейн, для чего разбудил ее ночью, вернувшись с одного из кинопросмотров у Сталина. А после звонка Раневской надо было разделить с кем-то свои чувства, и она, надев поверх рубашки пальто, пошла во двор будить дворника. С ним и распили на радостях бутылочку.

Раневская прославилась не только своими ролями, но и афоризмами. Уже при ее жизни ее искрометные фразы повторяла вся московская богема. Каждую ее меткую фразу тут же подхватывали, и через несколько дней та становилась известна всей столице. Известный литературный критик Зиновий Паперный говорил, что

за Раневской надо ходить с блокнотом и записывать все, что она говорит.

Кстати, именно ему она сказала одну из самых знаменитых своих фраз: «Я знаю, вы собираете афоризмы великих людей. Но если уж не великих, то хотя бы сохранивших чувство юмора. Так вот, знайте, молодой человек: я так стара, что помню еще порядочных людей. — И добавила: — У меня хватило ума так глупо прожить жизнь, не каждому это дано».

Особенность афоризмов Раневской в том, что они если и смешные, то уж точно не веселые. Большая часть их о болезнях, старости и смерти. И смех, который они вызывают, — это смех сквозь слезы. Сейчас из этих афоризмов составлены целые книги, хотя, сказать по правде, Раневская говорила далеко не все из того, что ей приписывают. И это тоже не случайно — просто она стала своеобразным символом своей эпохи — символом юмора своего времени.

Более того, актриса материлась. Но подобные выражения и еще более сочные в устах Раневской воспринимались отнюдь не как неприличная брань, а как абсолютно органично присущая ей манера разговора, ни для кого не оскорбительная, а только забавная. Ведь это была — Фаина Раневская, которой восхищалась вся страна!

Сама же Фаина Григорьевна с детства считала себя некрасивой, да и ее сверстники посмеивались над ее нескладной внешностью. А ее отец однажды, противясь желанию дочери стать актрисой, прикрикнул на нее: «Посмотри на себя в зеркало — и увидишь, что ты за актриса!»

— «*Почему все дуры такие женщины*» —

Однако находились люди, которые находили ее «просто очаровашкой». Например, сохранилось воспоминание ее подруги Нины Станиславовны Сухоцкой, актрисы Московского Камерного театра. Она описывает внешность юной Фаины так, что нельзя увидеть по дошедшим до нас фотографиям актрисы. Сухоцкая говорит о Фаине как об обаятельной, прекрасно, иногда несколько эксцентрично одетой молодой девушке, остроумной собеседнице, приносившей в дом атмосферу оживления и праздника. Сухоцкой Фаина казалась очень красивой, даже несмотря на неправильные черты ее лица. Огромные лучистые глаза, столь легко меняющие выражение, чудесные пышные, волнистые, каштановые, с рыжеватым отблеском волосы, прекрасный голос, неистощимое чувство юмора и, наконец, природный талант, ~~сквозивший~~ буквально в каждом слове Фаины, в каждом ее поступке, — все это делало ее обворожительной, привлекательной и притягивало к ней людей.

Кстати, до покорения Москвы Фаина справилась со своим главным недостатком — заиканием. Путем долгих упорных тренировок она выучилась говорить, чуть растягивая слова, и дефект речи безвозвратно исчез. Появлялся только во время сильного волнения.

«Фаина Георгиевна много читала, — вспоминала Нина Станиславовна Сухоцкая. — Даже в последние годы, когда она уже плохо видела, ее трудно было заставить дома без книги. Круг ее чтения был разнообразен. Помимо современной литературы и любимых классических произведений она увлеченно читала серьезные труды по истории. Перечитывала Плавта, Гомера, Данте. Однажды к ней зашла Анна Андреевна Ахматова и,

застав ее за книгой, спросила, что она читает. Фаина восторженно ответила: «О, это так интересно! Переписка Курбского с Иваном Грозным!» Анна Андреевна рассмеялась: «Как это похоже на вас!..»

Из всех писателей мира самый любимый, боготворимый — Пушкин. Он постоянно был с ней. На столике у кровати и на письменном столе всегда жили томики Пушкина. Она не только великолепно знала его произведения, но пристально интересовалась всем, что о нем написано, всеми исследованиями наших пушкинистов.

Однажды она мне сказала: «Все думаю о Пушкине. Пушкин — планета!» Фаина Георгиевна признавалась, что к Пушкину у нее такое отношение, словно они встречались когда-то или могут еще встретиться. На вопрос «Как вы спите?» она отвечала: «Я сплю с Пушкиным». Так и было — читала она допоздна и преимущественно Пушкина. Мучимая бессонницей, могла читать его или думать о нем всю ночь. Если бы судьба уготовила ей встречу с Александром Сергеевичем, она бы призналась ему, что буквально живет им всю жизнь.

Актер и режиссер Сергей Юрский, в чьем спектакле «Правда — хорошо, а счастье лучше» Фаина Георгиевна сыграла свою последнюю роль — няньку Филициату, вспоминал: «В ее отношении к великим (в том числе к тем, кого она знала, с кем дружила) был особый оттенок: при всей любви — неприкосновенность. Не надо играть Пушкина. Пожалуй, и читать в концертах не надо. А тем более петь, а тем более танцевать! И самого Пушкина ни в коем случае изображать не надо. Вот у Булгакова хватило такта написать пьесу о Пушкине без самого Пушкина.

— Но тот же Булгаков написал «Мольера», где сам Мольер — главная роль.

Отмалчивается, пропускает. Когда говорят, что поставлен спектакль о Блоке, балет по Чехову, играют переписку Тургенева, что читают со сцены письма Пушкина, она говорит: «Какая смелость! Я бы не решилась». И чувствуется, что не одобряет. Обожая Чайковского, к его операм на пушкинские сюжеты относится как к нравственной ошибке. Пушкин для нее вообще выше всех — во всех временах и во всех народах. Жалеет иностранцев, которые не могут читать Пушкина в подлиннике. Возможность ежедневно брать с полки томик с его стихами считает великим счастьем».

Нина Станиславовна Сухоцкая вспоминала: «В последние годы жизни Фаина Георгиевна горячо увлеклась Маяковским, в это же время параллельно читала «Войну и мир» и радовалась, находя в этой великой книге все новые, ранее не замеченные драгоценные мысли.

А обожаемый Чехов! Она обращалась к нему вновь и вновь.

Образование пришло к ней отнюдь не из средней школы, которую она с грехом пополам закончила (не любила в детстве учиться), и не из высшей школы, в которой никогда не была, а от жажды новых познаний, длившейся всю ее жизнь».

Режиссеры же Раневскую боготворили. Ведь она не играла своих персонажей: она становилась ими, перевоплощаясь мгновенно. Жила жизнью своих героев: думала, как они, мечтала, страдала, надеялась, чувствовала.

«В конце 1920-х — начале 1930-х годов отчетливо выявился характер творчества Раневской, — пишет литературовед Софья Дунина. — Ее оружием стало разоблачительное искусство сатиры, ее лучшие роли обличали врага, иногда высмеивая его, иногда обнажая его страшную сущность, иногда показывая морально искаленную им жертву».

Дунина писала искренне, но все же ее книга была издана в 1953 году и отражала дух своего времени. Вряд ли Раневская направляла сатиру на классовых врагов, скорее она просто высмеивала тупое мещанство, которое она в традициях русской интеллигенции действительно искренне презирала.

Сама Раневская о себе и революции писала так: «Не подумайте, что я тогда исповедовала революционные убеждения. Боже упаси. Просто я была из тех восторженных девиц, которые на вечерах с побледневшими лицами декламировали горьковского «Буревестника» и любила повторять слова нашего земляка Чехова, что наступит время, когда придет иная жизнь, красивая, и люди в ней тоже будут красивыми. И тогда мы думали, что эта красивая жизнь наступит уже завтра». Увы, довольно скоро она поняла, что новый мир такой же мещанский, как и прежний...

Но если она не могла изменить жизнь, то свои роли — легко. Впервые Раневская начала сама сочинять для себя роли в театре Сталинграда. Конечно, дописывала и доделывала роли под себя она и прежде — добавляла слова, импровизировала, сочиняла песенки для своих героинь. Но все это были мелочи, не выходящие за обычные рамки актерской импровизации. А в Сталинграде режиссер Борис Пясецкий предложил ей сы-

грать в пьесе, в которой вообще не было для нее роли. Просто сказал: «Мне надо, чтоб вы играли. Сыграйте, пожалуйста, то, что сами сочтете нужным».

Раневская прочитала пьесу и нашла там место, куда можно было вставить нового персонажа. По сюжету там бывшая барыня, ненавидящая советскую власть, пекла на продажу пирожки, таким образом зарабатывая себе на жизнь. И вот героиня Раневской стала приходить к этой барыне и рассказывать выдуманные смешные новости про большевиков.

Фаине Георгиевне показалось возможным приходить к этой барыне подкормиться. Но чтобы расположить к себе барыню, которая отличалась подозрительностью и скверным характером, надо было ей понравиться. И Раневская веселила ее «свежими», а на самом деле придуманными новостями. Например, однажды она сообщила барыне: «По городу летает аэроплан, в котором сидят большевики и кидают сверху записки. А в записках тех сказано: «Помогите, не знаем, что надо делать».

Барыня радовалась и кормила ее пирожками, а зрители умирали со смеху.

Потом барыня выходила из комнаты, а героиня Раневской крала у нее будильник и прятала под пальто. Но после возвращения хозяйки будильник громко звенел. Героиня Раневской пыталась заглушить звон будильника громким рассказом, в котором сообщала еще более интересные небылицы, кричала все громче и громче, но будильник ее заглушал.

Тогда она вынимала его, ставила на место и плакала.

Зрители провожали ее аплодисментами, и Раневская очень гордилась тем, что в финале этой сцены они

не смеялись, а сочувствовали ее героине, чувствовали ее растерянность и отчаяние.

Режиссер был в восторге. И в дальнейшем воодушевленная успехом Раневская все чаще становилась соавтором и режиссером своих ролей в театре и кино.

Она показывала свой характер не только во время съемок.

Фаина Георгиевна была чрезвычайно импульсивна, легко ранима и совершенно лишена самоуверенности, самодовольства. Вот уж о ком нельзя было сказать: уравновешенная, спокойная и тем более равнодушная. Обладая огромным темпераментом, она очень горячо, порой бурно реагировала на все: на обиды, свои и чужие, на несправедливость и особенно на фальшь (сама никогда не фальшивила — просто не умела).

Все знавшие ее близко находили, что у нее трудный характер. Безусловно, с ней подчас было нелегко. Нетерпимость, несдержанность, острое, иногда обидное словечко, сорвавшееся сгоряча, часто обижали близких людей.

Она могла, вспыхнув, обидеть лучшего друга, потребовать «уйти и никогда не приходить», но... через полчаса в доме этого человека раздавался ее телефонный звонок. Расстроенная, она как-то по-детски умоляла простить ее, казнила себя за вспышку, просила забыть обиду и поверить в ее доброе чувство. Сама она никогда не реагировала на обиды мелочные, так сказать, «бытовые». В этом помогало никогда ей не изменявшее чувство юмора. Но обиды на путях искусства, творческой ее деятельности (а такие бывали, и очень жестокие и несправедливые) переносила тяжело, хотя никогда

никому не жаловалась. В таких случаях поражала ее беспомощность. Она ощущала себя беззащитной, и действительно, настоящего защитника около нее не было.

В последние годы жизни Фаина Георгиевна практически не накладывала грима перед выходом на сцену, но неизменно душилась французскими духами и вспоминала, что Ольга Книппер-Чехова («дивная старуха») однажды сказала ей: «Я начала душиться только в старости».

Оглядываясь назад, Фаина Георгиевна скромничала, утверждала, что не сделала ничего значимого, а всего лишь пропищала, как комар.

Таланту всегда сопутствует скромность. «Старая харя не стала моей трагедией, — говорила Фаина Георгиевна, — в двадцать два года я уже гримировалась старухой и привыкла и полюбила старух моих в ролях. А недавно написала моей сверстнице: «Старухи, я любила вас, будьте бдительны!»

Но эта старуха была еще и лучшей подругой. Недобрав тепла в детские годы (она говорила: «В семье была нелюбима. Мать обожала, отца боялась и не очень любила...»), Фаина Георгиевна всю жизнь пыталась восполнить эту недостачу. Она умела дружить по-настоящему, дружить искренне, трогательно и самоотверженно.

Она дружила с Анной Ахматовой, Павлой Вульф, Алисой Коонен, Екатериной Гельцер, Мариной Цветаевой, Илларионом Певцовым, Самуилом Маршаком, Константином Треневым, Александром Таировым, Константином Станиславским, Борисом Ефимовым, Василием Качаловым, Василием Меркурьевым, Оси-

пом Абдуловым, Соломоном Михозэлсом, Фёдором Толбухиным, Ией Саввиной, Еленой Камбуровой.

Считалось, что с Фаиной Раневской режиссеру работать трудно. Так оно и было: актриса обожала вмешиваться в вопросы режиссуры, обсуждать трактовку роли, по несколько раз переписывать текст, придумывать всяческую «отсебятину»... Режиссеры то и дело слышали от «испорченной Таировым» актрисы:

— В этой сцене я не буду стоять на одном месте! Что я вам — статуя?

— Я должна смотреть в глаза партнеру, а не отворачиваться от него! Ну и что, что там зрители? Вот вы, когда сейчас разговариваете со мной, вы куда смотрите — на меня или в зрительный зал?

— Уйти просто так моя героиня не может. Она должна оглядеть всех с торжествующим видом и только после этого покинуть сцену!

— Что это за чушь?!

— Этого я произносить не буду!

И не только режиссерам доставалось от Раневской. Другие актеры, декораторы, гримеры, осветители — каждая сестра получала по серьгам. Раневская была очень требовательна к себе и так же относилась ко всем, кому «посчастливилось» работать с ней рядом. Репетиции для нее были столь же важны, как и выступление перед зрителями, она не терпела спешки, небрежности, фальши.

Некоторые считали ее придирой и склочницей, которая, вместо того чтобы играть роль, цепляется к мелочам, к совершенно незначительным деталям, например к цветку платка, который ее партнер достает из кармана на сцене... Какие мелочи! Но для Фаины Ге-

оргиевны мелочей не существовало. Была роль. Был — образ! Образ живого, настоящего человека, которого следовало сыграть так, чтобы зритель не заметил игры, не видел на сцене актрису Фаину Раневскую, а видел Маньку-спекулянтку или, к примеру, Вассу Железнову.

Раздутые слухи о скверном характере Фаины Раневской были обусловлены тем, что актриса всегда действовала открыто. Громко, прилюдно, говорила вслух все, что думала и чувствовала. Сплетничать «на ушко», исподтишка распространять порочащие слухи, интриговать, сколачивать группировки, юлить, выгадывать — все это было не по ней.

Фаина Георгиевна, без преувеличения, шла по жизни, как и по сцене — так же гордо поднимая голову. Она жила и действовала открыто, а ее противники всегда действовали исподтишка.

Ее боялись. Она могла припечатать одним словом. Да не припечатать — убить наповал.

«Помесь гремучей змеи со степным колокольчиком».

«Маразмист-затейник».

«Третьесортная грандиозность».

И трудно поверить в то, что эта оригинальная актриса практически скиталась по театрам. Вот лишь неполный список ее мест трудоустройства: Подмосковье (Малаховский дачный театр) (1915), Керчь, Феодосия (1915–1916), Ростов-на-Дону (1916–1917), Передвижной «Первый советский театр» (1918–1924), Бакинский рабочий театр (1925–1927 и 1929–1931), Архангельский драматический театр (1927), Смоленский драматический театр (1927–1928), Сталинградский драматический театр (1928–1929), а затем Москва, включая театр

Московского отдела народного образования (1924), Камерный театр (1931–1935), Центральный театр Красной Армии (1935–1939), Театр драмы (ныне им. Маяковского) (1943–1949), Театр им. А. С. Пушкина (1955–1963), Театр им. Моссовета (1949–1955 и 1963–1984).

Писатель, народный артист СССР Ираклий Андроников вспоминал Фаину Григорьевну так: «Если говорить о Раневской, то во всех ее созданиях мы чувствуем стиль их автора, неповторимую манеру его, своеобразие его природы и творческих приемов. Это единство стиля не означает, однако, однообразия. И словно для того, чтобы показать свои неограниченные возможности в пределах своего голоса, своего обширного человеческого диапазона, актриса не боится играть роли, близкие между собой по материалу...

Раневской в высшей степени удастся передать не только существо человека, но и свое отношение к нему — свою мысль о людях, о жизни, об истории. Ей всегда есть что добавить к авторскому замыслу, она всегда понимает, как углубить и развить его. И работает она не на своей характерности и даже не на характере своем. Она далеко уходит от себя. И создает людей, насколько на себя не похожих. Скромная, неустроенная, неуверенная в себе, вечно в себе сомневающаяся (но как художник глубоко убежденная во внутренней своей правоте!), она берет характеры, диаметрально противоположные собственной своей натуре, — играет женщин бесцеремонных, грубых, расчетливых, жадных, или смешных, или жалких...

С необычайной остротой Раневская проникает в социальную основу образа. Она мыслит исторически.

Для нее нет характеров неподвижных — вне времени и пространства. Она очень конкретна и глубока. И великолепна в разнообразии национальном — русская «мамаша», украинская кулачка, американская миллионерша, фашистская фрау Вурст, местечковая стяжательница в «Мечте».

И в кино Фаина Григорьевна оставила свой яркий след. «В кинематографе Раневская сыграла меньше, чем хотелось бы, и много меньше, чем она могла, — вспоминал друг Раневской, актер Театра имени Моссовета Константин Михайлов. — Хотя создала галерею разных и, что в кино особенно трудно, разнообразных характеров, в основном комедийных. Яркие, приметные, они всегда радовали зрителей, убеждали, даже если это были совсем небольшие эпизоды. Вспомним тапершу в фильме «Александр Пархоменко», трогательно смешную Лялю в «Подкидыше», уморительных чеховских «дам», смелую клоунаду в роли экономки Маргариты Львовны в «Весне», Роза Скороход в замечательной картине Ромма «Мечта».

Дмитрий Шостакович подарил ей фото с надписью: «Фаине Раневской — самому искусству»... Ей присвоили звание народной артистки... Зрители шли в театр «на Раневскую»... Фильм с ее участием был обречен на успех... Казалось, что у нее было все, что нужно для счастья, но вот счастья-то как раз и не было. Кстати говоря, талант Раневской так и не был востребован сполна. За всю свою долгую жизнь она не сыграла и трех десятков ролей в кино, причем большинство из них были эпизодическими. Для такой актрисы, как Фаина Георгиевна, этого конечно же очень мало. Да и в театре Раневскую не баловали ролями...

